

20 дней в Дании

В Одензе, главном городе датского острова Фюнен, мне довелось целый вечер говорить с молодыми артистами местного театра. Они жадно расспрашивали о жизни в СССР, о людях нашей сцены, о принципах работы советских режиссеров и артистов. Они вспоминали о давних гастролях Художественного театра и говорили о его искусстве, как о непревзойденном образце.

Но скрывая зависти к полнокровной творческой жизни деятелей советского театра, молодые артисты с горечью рассказывали о жалком существовании ремесленников от искусства, на которое обречены они в сегодняшней Дании. Не говоря уже о том, что их зарплата едва хватает на удовлетворение насущных нужд, сам их труд однообразен и мало интересен. Спектакль, однажды поставленный труппой, идет из вечера в вечер до тех пор, пока он делает сборы. Кончатся сборы — кончается одна работа, начинается новая и потом все сызнова: день за днем одна и та же постановка. Вся изобретательность молодежи, вся свежесть ее таланта, вместо того чтобы служить выражением больших идей, чувств и мыслей, уходит на пустые спешеские трюки и выкрутасы. И это происходит вовсе не от того, что молодые артисты так же уж завязаны формалисты, а лишь потому, что таков «дух времени», требующий подражания современному американскому театральному парламентарству.

На родине Гамлета невольно вспоминались мне слова из трагедии о принце датском: «Не все спокойно в датском королевстве...». О повседневных тяготах жизни трудящихся в маршаллизированной Дании говорили нам многие собеседники. В этой небольшой стране уже сейчас более 150 тысяч безработных. Мы читали

Беседа с народным артистом СССР
Ю. А. ЗАВАДСКИМ

в датских газетах, что в городе Вайль состоялась общедатская конференция безработных. Собиравшиеся протестовали против наводнения страны иностранными товарами, против свертывания отечественной промышленности, против неумеренных налогов и роста цен... В Дании, стране высокоразвитого животноводства, до сих пор существуют карточки на масло, так как оно в огромных количествах вывозится в Англию.

Все время, которое наша делегация провела в стране, я не мог избавиться от ощущения, что совершил путешествие не в пространство, а во времени. Это чувство не оставляло меня и при разговоре с простыми людьми, и тогда, когда я знакомился с искусством современной Дании. Во время посещения датских театров мне казалось, что я попал куда-то на 35—50 лет назад, когда не существовало еще великого примера советского театра, показавшего истинный путь развития театрального искусства, когда проповедывалась и парочито поддерживалась гнилая теория «искусства для искусства».

Видимо, и сами деятели датского искусства понимают, в какой тупик зашел ныне буржуазный театр. Об этом прямо сказал прогрессивный датский режиссер Бесников, выступая на одном собрании: «Искусство в Дании протестуировало!». Но с этим не хотят мириться лучшие люди датского искусства. И они, обращаясь к русской драматургии, делают первые, еще несмелые попытки создания театра нового типа. Так, в Копенгагене существует молодой театр «Риббсгалл». Это, скорее, студия, работающая под руководством директора Файтлендера — автора книги о Московском Художественном театре. В зри-

тельном зале всего 200 мест, но театр уже завоевал известность, поставив «Три сестры» Чехова. Спектакль имел огромный успех, и это ошеломило энтузиастов молодого театра.

Мне привелось убедиться в больших возможностях датского театра и его славных традициях, увидев в Королевском театре спектакль датского классика Эленслегера «Сон в Икхюу почт». Это — обязательная пьеса, проникнутая духом народного творчества. От спектакля веяло чудесным ароматом народного творчества. Но пародность по моде у космополитических заправил западного искусства. В Копенгагене к постановке пьесы Эленслегера отнеслись весьма своеобразно: она была втиснута в одно представление с балетом, что, конечно, не могло не отразиться на восприятии зрителем обоих произведений. Второе из них оказалось... балетом Чайковского «Лебединое озеро». Я увидел одноактное танцевальное зрелище, столь противоречащее нашему представлению о балете и о Чайковском. Все вызвало чувство возмущения. Принцип его друзья являли образец балетного штиля начала прошлого века — стандартные «кавалеры», поддерживающие танцовщиц. Исполнительница партии Одетты была лишена той одухотворенности, которая покоится над в этом пленительном образе, созданном гением Чайковского. Оформлению представляло нечто среднее между конфетной картинкой и «фоном», которым базарный фотограф «завлекает» клиентуру... Тягостное чувство, порожденное этой «повейшей редакцией» дивного русского балета, заслонило даже впечатление от прекрасной датской пьесы Эленслегера, которую я смотрел перед тем. Впрочем, сами датчане говорят о ее представлении в своем лучшем театре, как бы стесняясь. А чтобы продемонстрировать свою безусловную современность, они ставят новейшую американскую поплятинку.

Характерный эпизод произошел на прессконференции на второй день нашего пребывания в столице Дании. Один из ко-

пенгагенских журналистов задал нам вопрос: «Знакома ли советская общественность с датской культурой?». Мы рассказали о популярности классиков датской литературы, о постановке инсценировок сказок Андерсена в многочисленных детских театрах, о знакомстве нашего читателя с произведениями Мартина Андерсена Нексе. После этого нам показалось вполне правомочным поставить ответный вопрос: «А что можно посмотреть в Копенгагене из современных произведений датских драматургов?».

Но правду сказать, мы не ожидали той неловкой паузы, которая последовала вслед за этим вопросом. Выяснилось, что собравшиеся не в состоянии выполнить нашей просьбы, так как могут назвать лишь многочисленные американские пьесы, которые в изобилии идут на сценах датских столичных театров. Впрочем, та же картина повторилась и в старинном университетском городе Орхусе, где меня в первую очередь пригласили «смотреть... американскую оперетту «Окналома».

И все-таки одну современную датскую пьесу мне посмотреть удалось. Она называлась «Женщина и женщина» и рассказывала о том, как старая мать, убедившись, что она не нужна более своей дочери, кончает жизнь самоубийством. Ничемность героев и всего драматического конфликта, полная оторванность от какой бы то ни было социальной и исторической действительности, убожество сюжета — все это вызывает отвращение и негодование.

Посмотрев эту пьесу, я вспомнил неоднократно задававшиеся нам вопросы о том, почему-де, мол, советское искусство так много внимания уделяет политическим темам. Спрашивавшие обычно ссылались на то, что «истинное искусство» должно быть выше «политики». Представление «Женщины и женщины» дало нам образчик того полного реакционного ухода от жизни, который так усердно пропагандируется буржуазными теоретиками. Из-под маски этой теории «аполитичности» проглядыва-

ла самая определенная политическая тенденция: навязать зрителю уныние, заразить его пессимизмом, заставить его копаться в семейных коллизиях и не заниматься сегодняшней жизнью!

Однако передовые люди культуры Дании понимают, где и чем именно созданы истинно благоприятные условия развития искусства. Мне особенно запомнился разговор с режиссерами и актерами в Одензе, увлеченно слушавшими мой рассказ о расцвете театра в СССР. После этого рассказа один из собеседников сказал: «Стыдно становиться за свою жизнь, когда узнаешь, что театр может добиться таких идеальных условий для работы!».

Прогрессивные деятели культуры Дании устроили нам теплый прощальный вечер в конце нашего пребывания в стране. Они говорили о большом значении культурного общения двух стран, о своем желании побороться за мир и демократию. Они с благодарностью говорили о борьбе нашей страны за мир и демократию.

— Мы знаем, — сказал известный датский биолог профессор Габриэльсон, — что мир растет на полях Советского Союза, а не на оружейных заводах Соединенных Штатов...

Правда, эти речи приплыли кое-кому не по душе. Во время вечера один из ораторов указал на двух полицейских, которые явились на собрание деятелей культуры. Нам рассказывали, что на следующий день выступавшим на вечере откровенно намекали на «удивление некоторых кругов» по поводу их речей. Нет слов, дружественные высказывания по адресу Советского Союза не правятся правящим кругам маршаллизированной Дании. Но никакими усилиями нельзя заглушить то благородное стремление к честному, дружескому сотрудничеству, которое высказывают простые люди Дании, прогрессивные деятели ее культуры.